

Кира
Каменецкая

Неисповедимы
пути
Господни

сборник рассказов

Кира Каменецкая

**Неисповедимы пути
Господни. Сборник рассказов**

«Издательские решения»

Каменецкая К.

Неисповедимы пути Господни. Сборник рассказов /
К. Каменецкая — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-504735-9

Какой может быть любовь? А счастье? Дружба? Или жизнь? Какой она может быть? Каждый из вошедших в этот сборник рассказов — по-своему ответ. Но суть одна: любое из наших чувств, как и сама жизнь, может быть разным. И никогда нельзя с точностью предсказать, к чему в итоге приведёт тот или иной поступок, решение, событие, встреча. Можно лишь всегда, в счастливые и в трудные времена, помнить о том, что ничего никогда не бывает зря. Ведь недаром же говорят, что неисповедимы пути Господни...

ISBN 978-5-00-504735-9

© Каменецкая К.
© Издательские решения

Содержание

ГИПНОЗ	6
ДВА ПУТИ	8
ОТЗВУКИ	10
НАДЕЖДА	13
ПОВОРОТ	15
ВЕСТНИК	18
Конец ознакомительного фрагмента.	19

Неисповедимы пути Господни

Сборник рассказов

Кира Каменецкая

Дизайнер обложки Сергей Плосман

© Кира Каменецкая, 2019

© Сергей Плосман, дизайн обложки, 2019

ISBN 978-5-0050-4735-9

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

ГИПНОЗ

Это был тот самый день и час, когда всё должно было закончиться. Должно было, да... Но не закончилось. Очнувшись, словно от наркоза, Она открыла глаза и поняла, что помнит. В мельчайших деталях и подробностях, острее прежнего, помнит всё, о чём так хотела забыть.

Руки не слушались, и потому нужный номер удалось набрать не сразу.

– Я Вас слушаю, – наконец ответили ей.

– Доктор, ничего не вышло. Не сработало, – с трудом произнесла она.

– Приезжайте.

Через час Она уже была в знакомом кабинете. И пересохшее горло, и тяжелая голова болели так, что необходимость говорить походила на пытку.

– Почему? Почему ничего не получилось? Ведь Вы же говорили, Вы обещали мне... Я... Господи, я не знаю, что теперь делать! Я ничего не понимаю... Почему не вышло? Ведь должно было получиться...

Сидящий напротив неё врач тихо качнул головой.

– К сожалению, человеческий мозг – нечто слишком «многоэтажное» и мало изученное, чтобы давать гарантии. Я не обещал, я лишь говорил Вам, что вероятность успеха крайне велика, ведь до Вас у меня уже были удачные примеры. И там память по сей день не вернулась. По крайней мере, ни один из них не звонил мне, как Вы сейчас.

– Но почему тогда со мной не так? Почему я всё помню ещё ярче, чем было? Ведь столько времени прошло, всё как будто пылью покрылось, а теперь...

– Будто влажной тряпочкой, да?

– Именно. Вы своим гипнозом не воспоминания стёрли, а пыль с них. И это так жестоко, так жутко... Почему? Почему другие забыли, а я будто бы заново вспомнила. Даже звуки и запахи...

– Я ведь только что сказал: мозг – субстанция далеко не самая простая, если не сказать самая сложная! Никто не может на все сто предугадать, какова будет реакция. Могу дать Вам честное слово, я сделал всё, что мог. Забрался так глубоко в Ваш разум, как только можно было, не рискуя при этом оставить Вас умственным инвалидом. Но, видимо, те чувства, которые Вы испытываете, сильнее любого гипноза или медикаментов. По сути, они и есть основа Вашей личности. По крайней мере, той Вас, каковой Вы являетесь на данном этапе своей жизни. Так бывает. Крайне редко, но бывает. Этому нет определения или официального признания в науке, но... факты есть. И они говорят сами за себя.

Нравится нам это или нет, но порой чувства и эмоции, когда-либо пережитые человеком, настолько сильны, что отменить их можно, только полностью отключив разум или перекроив сознание, личность. Но, как Вы понимаете, эти методы не только не выработаны, но и недопустимы из этических соображений. Какое мы, медики, имеем право, пусть даже в интересах пациента, уничтожать то, кем этот пациент, собственно, является?

Она горько усмехнулась.

– По-вашему, это против Бога? А как же тогда дети из пробирки, пересадка органов, переливание крови? Ведь это тоже вмешательство в природу человека, нарушение его первозданности.

– Нет, Вы меня не так поняли. Бог здесь не то чтобы вообще ни при чём, так говорить нельзя. Но не суть важно, во что человек верит или верует. По-настоящему важно лишь то, что перелитая кровь или пересаженная почка не изменят на корню личности того, кто их получил. Равно как и зачатый искусственно эмбрион. Хотя Вы правы, даже последствия этих вмешательств до конца не изучены, не говоря уже о вмешательстве в структуру разума.

Поймите меня правильно, я мог бы попытаться ещё раз или даже не раз, но... Я не хочу оставить Вас полубезумной, утратившей вместе с этой любовью себя. Простите, но... неужели Вам настолько тягостны воспоминания об этом человеке?

Она качнула головой, отвела глаза, заговорила будто сама с собой.

– Отнюдь, доктор, отнюдь. Воспоминания о нём – это, по сути, всё, что у меня есть. Но от этой своей бесценности они ещё более мучительны. Иногда я забываюсь сама, без гипноза забываю его. Смеюсь, что-то делаю, куда-то хожу, с кем-то говорю, о чём-то мечтаю. А потом понимаю вдруг, что это был лишь один день. Всего один, понимаете? А впереди целая жизнь. Без него. И тогда меня накрывает такое отчаяние, что описать его ни сил, ни слов не хватит. Такие моменты, они... Страшнее смерти, доктор. Страшнее всего, что мне довелось испытать.

Поэтому я пришла к Вам. Думала, если всё забыть, всё стереть, вычеркнуть, вытравить, то станет легче. Знаете, как голые стены в комнате: неудобно, но зато светло и места много. И всё с нуля, с белого листа: ничего нет, ничего не болит... Пуст-то-та. Вы даже представить себе не можете, как сильно я её хотела.

– Вы себя сейчас слышите?

– Конечно, слышу. И это не оговорка – глаголы действительно в прошедшем времени. Я по большому счёту не фаталист, но такого явного Знака только слепой бы не увидел, Вы не находите? Видно, так уж оно суждено. И я ведь и впрямь иногда смотрю назад и спрашиваю себя: «Кем бы ты была без него?». Ответы мне не нравятся, поверьте. Слишком многому он научил, слишком много дал, чтобы вот так... Мне сейчас радоваться впору, что ничего не вышло. Просто не могу пока себя заставить. Постепенно остыну, никуда не денусь. Хотя чувство, конечно, странное. Сколько мы тут с Вами «работали»? Месяца два, верно? Долго. Я так долго училась его забывать, что теперь заново придётся учиться помнить. Бред, правда?

Ладно, всё хорошо. Не смотрите так пристально – я не полезу в петлю и не напыюсь снотворного. Мне просто нужно время.

– Время, – повторил за ней врач, – но не мои услуги. Я готов вернуть Вам деньги, но обращаться к кому-то ещё не советую – риск слишком велик.

– Нет, спасибо. Вы сделали свою работу, значит, всё честно. И, значит, так тому и быть. Другие врачи тут ни при чём. Наверное, однажды я буду Вам даже благодарна за «влажную уборку» в моей голове.

– Если так, то не удаляйте мой номер и позвоните, когда это случится.

Она промолчала, встала, подошла к двери и, уже приоткрыв её, обернулась.

– Нет, доктор. Если однажды я научусь быть счастлива тем, что сейчас сводит меня с ума, то пусть это счастье будет только моим.

– Может быть, Вы и правы, – тихо ответил он закрывшейся двери.

ДВА ПУТИ

Катя так спешила, что примчалась на вокзал раньше указанного времени. Уточнив у диспетчера, на какой путь прибудет поезд, она вышла на пустой перрон и медленно побрела к концу платформы. Полчаса. Ждать осталось всего полчаса...

Платформа закончилась неожиданно быстро. Девушка замерла у её края, пристально глядя на путевую развилку. Два разных направления. Поезда с одной и той же платформы могли уйти в двух разных направлениях. Почему-то, глядя в эту расходящуюся даль, Катя невольно подумала о том, что человеческая жизнь точно так же имеет развилки, но, в отличие от поезда, имеющего чётко обозначенный маршрут, человек далеко не всегда знает, куда приведёт его та или иная дорога. Более того, порой человек вовсе не имеет права выбора и оказывается на том или ином пути не по своей, а по чужой (в силу обстоятельств и чьих-то решений) воле.

Почему-то от мысли этой стало пугающе грустно и даже немного страшно. Но далёкий гудок приближающегося поезда спасительно вернул девушку к реальности, и Катя, забыв обо всём на свете, поспешила к центру платформы – встречать любимого.

Димка выскочил из вагона в числе первых. Лёгкий, счастливый, до боли родной... Подхватил, обнял, заставил забыть всё на свете.

– Катька! Девочка моя...

– Привет! – она, задыхаясь, уткнулась ему в плечо, едва сдерживая слёзы. – Тебя как будто сто лет не было... – вместо ответа Дима как-то странно вздохнул, и Катя недоверчиво отстранилась. – Что? Подожди... А где твои вещи?

– Там оставил. Я ненадолго, Кать.

Сердце предательски оборвалось.

– То есть?

– Не здесь. Поехали ко мне, там и расскажу.

– Я чуть со стула не упал, честно! Приехал на неделю, а теперь остаюсь там руководить проектом! Самому не верится! – восторженно рассказывал Димка, хаотично доставая из холодильника еду. – Я такой голодный! А ты есть хочешь?

– Я ела, – тихо ответила Катя.

Просторная светлая кухня, которую она полюбила с первого взгляда, теперь вдруг показалась девушке чудовищно тесной и неудобной. Эта квартира, которую Димка снимал на двоих с братом, три с лишним месяца была их пристанищем, они оба любили её, и всё же начали поговаривать о том, чтобы снять отдельное жильё, съехаться... И для этого ей, Кате, а вовсе не Димке нужно было сменить работу! Всё было так просто. Он уезжал на несколько дней, а теперь...

– Ведь мне же тут вообще ничего не светило, – всё тем же восторженным тоном продолжал Дима, – а там... Там, конечно, просто «дочка», маленькая пока фирма, и денег бешеных мы пока не заработаем, но почти всё сами! Свобода, Кать! Понимаешь? Я же там смогу себя проявить, я там... – взглянув на девушку, он осёкся, забыв о еде, присел рядом на узкий диванчик. – Ты не рада, да?

Катя качнула головой.

– Не в этом дело. Я рада. Но не ожидала такого. И теперь ничего не знаю...

– Слушай, брось! Я же не на войну уйду! У меня там всё равно пока что-то типа испытательного срока – всего два месяца, а дальше будет видно. И мы уже набросали план, кое-какие задумки есть, и я именно об этом мечтал! Там вообще никаких вопросов: зарплата пока,

на эту пару месяцев та же, но зато мне обещали служебную квартиру, а если останусь, то ещё и машину дадут! Не подарят, конечно, но на время сойдёт, а там сам себе заработаю! Катя...

– Что?

– Чего ты от меня сейчас хочешь? Если я останусь...

– Нет, – твёрдо перебила она, – я не хочу, чтобы ты остался. Я хочу, чтобы ты был счастлив и чтобы у тебя был выбор.

Дима кивнул, стараясь скрыть вздох облегчения.

– Умница моя... Ты пойми, я запросто могу вернуться, они могут меня вернуть. Но даже если так, то всё равно будет шанс себя показать, будет, с чем уходить, если я решу от них уйти. У меня получится, вот увидишь!

– Я знаю, – Катя постаралась улыбнуться и отогнать подальше мысль о том, что все слова о его возвращении были лишь слабой попыткой не дать ей расплакаться.

– Да, но... Я сейчас не могу тебя взять с собой, ты же понимаешь? У тебя работа, тебя так сразу не отпустят, да и мне там будет не до чего. И поэтому пока так надо, маленькая... – Он взял её руки в свои, легко коснулся губами холодных пальцев. – Я не могу отказаться. Это моя мечта...

– Я знаю, – снова повторила Катя, стараясь не думать о том, сколько её мечтаний и надежд никогда не сбудется, если их с Димой пути разойдутся.

Через три дня они прощались на том же перроне. Словно испугавшись промозглого ветра, недавнее Димкино счастье бесследно прошло. Осталась лишь странная горьковато-печальная нежность.

– Я должен... – шепнул он, крепко прижимая Катю к себе.

– Да...

– Иначе никогда себе не прощу, ведь это же шанс...

– Я понимаю, – на этот раз вслух повторила она, всеми силами стараясь удержать ненужные слёзы. – Я всё понимаю...

– Ты ведь приедешь? Хотя бы в гости?

– Конечно. Обязательно.

– Катя... – он вдруг взял её лицо в ладони, испытующе заглянул в глаза. – А если я останусь? Если я навсегда там останусь, что тогда?

– Тогда я поеду за тобой, – спокойно ответила она. – Ты только позови.

– Девочка моя! – Димка снова обнял её до боли крепко, поцеловал долгим почти неприличным поцелуем, как-то разом повеселел, улыбнулся. – Я буду звонить. Я каждый день буду тебе звонить, ладно?

– Конечно! – Катя с трудом заставила себя улыбнуться в ответ. – Всё, иди. Пора.

– Да, пора... – он отстранился, подхватил сумку, но тут же замер. – Постарайся мне верить, ладно?

– Я верю. Даже слишком... – где-то глубоко внутри предательски шевельнулся страх. Стараясь заглушить его, Катя подалась вперёд и снова прильнула к родным губам, всё же заплакала. – Береги себя, – шепнула она, прекрасно понимая, что без него ей самой уберечь себя от боли не суждено.

ОТЗВУКИ

Мой отец любил повторять, что ни одна жизнь не может быть напрасной. «Не в больших свершениях суть, – говорил он, – а в том, кто ты и есть, и какой след оставляешь в жизнях других. Никогда ведь не знаешь, где, как и в ком отзовёшься. Вот встречаешь человека, даже мельком, случайно, потом расходитесь, а отзвук этой встречи остаётся. Ничего не бывает зря».

Будучи сначала совсем маленькой, потом слишком юной, я с трудом его понимала, не верила, а вот сейчас, став взрослой и осиротевшей женщиной, стою и смотрю в глаза живому доказательству папиной правоты.

– Надо же... – Глеб смотрит на меня со смесью удивления, смущения и радости. – Больше трёх лет прошло. Я думал, уже никогда тебя не увижу, а тут вдруг... Ты, кстати, как здесь? Не заболела?

– Нет, слава Богу. У меня подруга здесь работает, вот и забежала навестить. А ты? Здоров?

– Да. У меня жене рожать скоро, вот на осмотр приехали. Хотел остаться, а они меня выгнали обе.

– Поздравляю!

– Спасибо! – он вдруг опускает глаза, становится похож на растерянного мальчишку. – И не только за это, но и вообще. Ты же даже не представляешь... Слушай, давай присядем? А то стоим с тобой посреди холла, людям мешаем. Хочешь, я кофе принесу?

– Нет, не надо кофе. Давай просто посидим. Ты не спешишь?

– Нет пока. Меня же выгнали, помнишь? А тот день помнишь? Вот честно, если бы ты не вмешалась, я бы точно с этим козлом подрался. И вроде трезвый был, а всё равно...

– Ты был зол. И растерян. И вообще... Всякое бывает.

Присев на соседнее со мной пластиковое кресло, Глеб кивает и снова отводит глаза.

– Всё равно стыдно. Повёл себя тогда, как кретин. Ладно ещё, на тебя не кинулся. Помнишь, официант тогда решил даже, что мы с тобой женаты – так быстро ты меня успокоила? Смешной такой лопухий, помнишь? Знал бы он, наивный, какой из меня муж...

С этими словами он поднимает на меня взгляд, словно ища поддержки, и я улыбаюсь ему:

– Судя по всему, не такой уж и плохой!

Глеб кивает, но как-то неуверенно.

– Да, для второй жены. С Леной мы тогда всё-таки развелись, не смогли. Ничего общего, кроме сына. И что толку? Решили друг друга не мучить больше – и так уже до ручки дошли. Да что я говорю, сама видела, на что я был похож! Домой возвращаться не хотел! После встречи с тобой неделю у друга жил, а потом на развод подал. Она сначала злилась, а потом поняла. Сейчас ничего, почти мир. Сын растёт, понимает уже всё. Говорит, правильно сделали.

– А ты сам? Ты тоже так считаешь?

– Да. Если твоими словами, то не была она моим человеком. Брак по залёту – вот тебе и вся любовь. Хотя, знаешь, пока ты мне тогда вещала про то, что каждому своя Судьба и свой человек, что надо просто иметь терпения и мудрость, чтобы дождаться, и всё такое, я в первый момент решил, что ты чокнутая. Нет, правда! Ты зря смеёшься! Ну, сама подумай, как всё это выглядело со стороны?! Влезла в свару, сгребла чужого мужика, увела его за свой столик и начала читать лекции о том, что он неправильно живёт, что, видите ли, ещё не всё потеряно, что все иногда сбиваются с пути, но что для перемен никогда не бывает поздно! А ещё своё никогда ни с чем не спутаешь, сердце всегда подскажет! Главное его слушать! Хочешь правду? Я понятия не имею, почему не послал тебя по известному адресу!

– А ты хочешь правду? Я понятия не имею, чего меня дёрнуло не дать тебе затеять драку. Я ведь уже уходить собиралась! Какое мне дело? А потом поняла вдруг, что ты не пьяный. И что глаза у тебя как у побитой собаки. Не смогла мимо пройти. Глупо, да?

– Да. До смешного глупо, но в итоге смешно мне не было ни капли. Я же реально решил сначала, что ты слегка того. Все эти разговоры про судьбу и прочее. А потом никак не мог перестать о тебе думать, как будто бы даже скучал, и потому решил, что ты и есть моя судьба! Не зря же официант тогда нас поженил! Но у меня ведь ни номера твоего, ни адреса не было. И я стал ходить туда, в то кафе. Подумал: если это судьба, то мы ещё встретимся.

И ты не смотри так. Я же видел тогда, что у тебя на душе тоже далеко не праздник. Ты заплаканная была, грустная. Или, думаешь, я не видел, как ты слёзы утирала, пока одна сидела. Видел. Даже подойти хотел, но не решился. А тут вдруг ты сама... И я подумал, что, может, это тот самый знак? Ну, знаешь, как говорят: если тебе плохо, то найди того, кому ещё хуже, и помоги ему.

– Решил, что я – твоё «хуже»?

– Примерно. А вообще понимал просто, что если не уцеплюсь за что-нибудь, то утону. Совсем. Вот я и ухватился за эту мысль: если так суждено, то мы встретимся снова, а дальше пусть будет, как будет. Представлял себя, знаешь, таким чуть ли не рыцарем в сверкающих доспехах! Как же, герой геройский, решил женщину спасти!

Я невольно усмехаюсь:

– И от кого же спасать собирался?

– Да Бог его знает! Может, даже от тебя же самой. Правда! Ты сама подумай. Вся эта твоя история про большую, но безответную любовь... Думал, кому это всё надо вообще? Отбить, вытряхнуть его из тебя, и всё! Верил, что ты постепенно забудешь, отогреешься, что если буду любить, то вылечу тебя от него, спасу. А в итоге это ты меня спасла.

Я ведь постоянно туда ходил, ждал тебя. А встретил Лилу. И как-то сразу всё понял. Не смейся, но я верю, что это ты меня к ней привела.

И, знаешь, странно... Вроде и счастье пришло, и всё на свои места встало, а всё равно никак не мог перестать о тебе думать: где ты, что ты? Боялся, вдруг случилось что-то? Ты ведь тогда такая печальная была... Хотелось просто знать, что всё хорошо, просто спасибо тебе сказать хотелось, но ты как сквозь землю провалилась.

Сравнение это вызывает у меня улыбку.

– Почти. Я уехала вскоре. Насовсем уехала.

– Серьёзно? Куда?

– К тому самому, большому и не такому уж безответному, – я улыбаюсь, и слова эти будто разжимают невидимую пружину у Глеба внутри. Он вдруг как-то разом расслабляется, выпрямляет спину, уже без страха и смущения смотрит в глаза.

– Прости, я...

– Боялся, что у меня ничего не сложилось, да? А тут ты со своим счастьем?

– Есть немного. Точнее, даже много, – он смотрит мне в глаза долгим пытливым взглядом. – Он, что, был женат, да? Ты прости, что я спрашиваю, просто понять не могу...

– Да нет, не был. Не был он женат, но мозги точно работали так себе. Он, видишь ли, уверен был, что счастье – это не про него, а семейная жизнь – тем более. Всё повторял, что не умеет любить, что не хочет портить мне жизнь, – я поднимаю глаза, смотрю на Глеба без тени улыбки. – Вот скажи мне, почему так? Если кто-то предал, то и остальным веры нет. Почему надо за кого-то всех остальных казнить? И крест на себе ставить только потому, что не повезло. Ты ведь тоже...

Он качает головой.

– Не совсем. Но понять могу. Точнее, и могу, и не могу. Теперь. Из-за Лили.

Я киваю.

– Вот и он так говорит. Теперь. Из-за меня. Недавно признал даже, что дураком был, так что... – я приподнимаю правую руку, чтобы показать кольцо, снова улыбаюсь. – Как видишь!

– Вижу! – Глеб улыбается в ответ, встаёт, протягивает мне руку, помогая встать. – Побегу, а то Лиля, наверное, уже ждёт – ей стало трудно самой обуваться, да и вообще... Счастье всё-таки, что мы встретились, да? А могли бы мимо пройти. И сейчас, и тогда. Даже думать не хочется.

– Да... Вот уж действительно, никогда не знаешь, в ком и как отзовёшься.

НАДЕЖДА

Он проснулся внезапно и окончательно, будто не спал вовсе. Замер, прислушиваясь к самому себе и ночному мраку. Замер будто в ожидании, но ничего не произошло. Лишь сердце билось тяжело, быстро, но в этом не было никакой опасности. Просто испуг – всё, как всегда.

Она сонно заворочалась рядом, прижалась, уткнулась в плечо, положила руку ему на грудь.

– Ну, что ты... Тише... Всё хорошо...

– Да...

Хотя ничего хорошего с ним не было. С той самой (кстати, такой же непроглядно тёмной) ночи у него уже не могло быть всё хорошо.

– Это эпилепсия, – его друг, а теперь и врач, старательно пытался не отводить глаза, смотрел на него прямо и уверенно. – Такое бывает после тяжелых травм головы. А у тебя травма не дай Бог... Спасибо, что вообще жив остался. По кусочкам собирали. Но за руль больше нельзя, даже не думай. Теперь надо учиться жить иначе.

– Значит, я теперь официально инвалид?

Друг качнул головой.

– Не о том думаешь. Тебе тогда сердце дважды заводили и голову чинили несколько часов – такое даром не проходит. И тут не статусы важны, не справки. С полным твоим диагнозом каждый приступ может стать последним, так что...

За этим «так что» крылась пожизненная зависимость от таблеток, бесконечные проверки, осмотры, анализы и врачи. Но, главное, страх. Постоянный животный страх.

Тогда-то и начались кошмары. Тогда-то и закончилась его прежняя жизнь. Закончился, по сути, прежний он. Но она всё же осталась. Почти не плакала, почти не жаловалась и обычно быстрее всех запоминала все названия, все даты, все новые схемы лечения.

– Она тебе, дураку, жизнь спасает! – без конца повторяли окружающие.

– Да. А себе гробит.

Спорить с ним никто не брался, но и согласных почему-то не находилось.

– Зачем я тебе такой? – однажды не выдержал он.

– А чем я лучше тебя? – в вопросе этом не было ни тени иронии или сарказма. Она говорила совершенно серьёзно.

– Ну, по крайней мере, тем, что ты не больна! И гарантированно доживёшь до завтра!

– Уверен? Пока да, пока я здорова. Но как раз завтра могу заболеть, да ещё пострашнее, чем ты. Могу оказаться в коляске или стать овощем, ослепнуть или оглохнуть по какой-нибудь причине. Потерять руку, ногу или сразу голову – как тебе такой вариант? Я могу просто уйти из дома и больше не вернуться. Попасть под колеса, упасть с лестницы, утонуть, отравиться. Есть машины, поезда, самолёты, маньяки, террористы, пожары, взрывы, вирусы, поддельные таблетки – сотни способов умереть. Как там у Булгакова, помнишь? Плохо не то, что человек смертен. Плохо то, что он внезапно смертен, да? Любой из нас может умереть в любой момент. Любой. Просто большинство, в отличие от тебя, об этом не думают, вообще не помнят. Просто живут. Так чем я лучше тебя, скажи?

Он не ответил. Не кинулся обнимать, целовать или благодарить. Не давал обещаний. Лишь пристально и долго смотрел ей в глаза, чувствуя, как тугая пружина страха медленно разжимается...

Кошмары, как и приступы, не прекратились, нет. Никакого медицинского чуда. Всё те же правила, таблетки, «врачебный надзор» – на первый взгляд ничего не изменилось, но жизнь как-то вдруг снова стала жизнью. Пожалуй, ещё более яркой и живой, чем была когда-то.

– Ууу... Ты, кажется, его разбудил, – всё так же сонно пробормотала она. – Погладь, может, уснёт снова...

Он послушно положил руку на её живот и снова замер, прислушиваясь к движениям сына. Тот упруго толкнулся, словно откликаясь на немой призыв, и в ощущении этом было нечто большее, чем просто жизнь. Необъяснимая сила, в очередной раз перевернувшая его сознание, его устоявшиеся истины.

Да, у него уже очень давно не было всё хорошо. Да, он постоянно рискует, уйдя, не вернуться домой и, вот так просыпаясь, мешает ей спать ночами. Но врачи и таблетки всё же делают своё дело, а в её утробе затихает под его шёпот их личное Чудо. И пусть даже нет и, по сути, не было никогда никаких гарантий. Пусть завтра, через неделю или год всё это может за миг оборваться... Но сегодня, сейчас, здесь у него, у них всё-таки есть надежда.

ПОВОРОТ

В новогодние чудеса верить стало как-то не с руки: ей глубоко за двадцать, она переехала в город, закончила учёбу, нашла работу, стала самостоятельной и... В её возрасте давно пора было передать все эти «милые глупости» типа желаний, предвкушений и прочего, детям, но... «Нет у тебя детей» – горько мелькнуло в подсознании.

– Ну, нет и нет! – зачем-то вслух ответила Юля и тряхнула головой.

«Опять на работу опоздаешь, философ!», – мысленно выругала себя девушка и выскочила за дверь. В больницу в итоге буквально прибежала за десять минут до начала своей смены, запыхавшаяся и напрочь забывшая обо всём на свете.

Конечно, предпраздничное дежурство в больнице – совсем не тот подарок, о котором стоило мечтать, но всё же тем, кто останется после, в ночную смену, придётся ещё хуже, а потому Юля даже не думала жаловаться. Уж точно не ей, бессемейной, рваться в пустую квартиру. Она бы и в ночь осталась, но её, как новенькую, пока щадили.

– Ну и что? – уточнила её напарница Ритка, старательно заваривая утренний кофе. – Ты после дежурства к своим, в деревню?

Юля отрицательно качнула головой.

– Я по такой погоде, да ещё с пробками ехать к ним буду до самого утра.

– Так тебе же, вроде, рядом, нет?

– Рядом, да не рядом. Если дорога нормальная и пробок нет, то пулей почти долетаешь. А так... Даже если вовремя допоззу до них, то упаду пластом и усну – только настроение всем портить. Если бы не смена, то с утра бы уехала, конечно. А так... Не поеду.

Рита протянула подруге кофе, присела рядом.

– А как же семейные традиции?

Юля пожала плечами, вдыхая поистине волшебный (с нотками корицы) аромат, заполнивший собой всю сестринскую.

– А что традиции? Остальные-то приедут! Только меня не будет, так что не особо традиция страдает.

– И твои не обиделись?

– Да нет, кажется. В конце концов, я же их не на все бросаю. Первого, если погода не подведёт, поеду. Даже соскучиться не успеют.

– Ладно, – будто давая своё согласие, кивнула Ритка, – а сама что? В гости к кому-нибудь? Или к тебе кто?

– Нет.

– А что же тогда делать будешь?

– Спать лягу! – выпалив это почти шутя, Юля тут же улыбнулась простоте и ясности спонтанного решения. – Хоть выплусь, наконец-то!

– Ты шутишь, что ли? – удивлённо переспросила Ритка. – Может, к нам приедешь? Или как?

– Или как! – шире прежнего улыбнулась Юля. – Серьёзно, Рит... Я устала, как собака. Есть хочу и спать! Так что приду, поем – и в постель!

– Дело, конечно, твоё... Но ты учти, что ведь как встретишь, так потом и проведёшь, Юль! А ты спать собралась!

– Ну что? Я же не болею, слава Богу! Просто отдохну! Выплусь!

«Одна», – снова шепнул внутренний голос.

Пару минут Рита молчала, потягивая кофе, а потом вдруг добавила:

– Может, ты и права? Кто его знает, как там всё устроено... Вдруг после этой перемены ещё что изменится.

Всё это настолько напоминало те самые новогодние глупости, верить в которые в последнее время стало слишком трудно, что Юля невольно скривилась, но спорить с подругой не стала.

– Ага, обязательно. Вот прям возьмёт и резко повернёт на все сто восемьдесят градусов! Пошли, работать надо!

День, как и ожидалось, выдался суетный, шумный, полный травм, поздравлений, шуток и всего того, от чего к вечеру начала нещадно болеть голова.

Вернувшись, наконец, после смены в сестринскую, Юля поспешно выпила таблетку и только потом заметила, что их небольшой столик накрыт и украшен в честь праздника: фрукты, торт, конфеты, всё тот же фирменный Риткин кофе и наверняка (разумеется, из-под полы, якобы тайком) бутылка шампанского.

Отказаться, не испортив при этом отношения с новым коллективом, было почти нереально, и потому Юля безропотно согласилась. Правда, пить не стала, сославшись на таблетку и головную боль. Но кофе, сладости, и веселый разговор удивительным образом помогли – прошла в итоге не только ноющая тяжесть в висках, но и внезапно накатившая было хандра.

– Будем считать, что я отпраздновала! – одеваясь, резюмировала Юля. – Так что, Рит, можешь быть спокойна!

– Это она о чём? – уточнила одна из их сменщиц, светленькая и большеглазая Ира.

– А она у нас вместе со страной праздновать ныне не желает! – с трудом сдерживая смех, ответила Рита. – От родителей и прочих родных отмазалась! Спать планирует лечь!

– Ага! – кивнула Юля. – Про перемены только добавить забыла! Они же на меня после такого бунта, как из рога изобилия повалятся!

Ира, не удержавшись, рассмеялась. И Рита тоже сдавленно прыснула, но потом напустила на себя серьёзный вид.

– Да иди ты уже... спать! Буйная!

Так и ушла Юля в тот день под общий смех, унося с собой какую-то странную лёгкость, будто без слов говорившую, что всё правильно, всё так и должно быть.

Дома, после горячего душа и мятного чая с любимым печеньем, Юля вновь почувствовала накопившуюся за последние недели усталость. И, в очередной раз укрепившись в своём решении, позвонила родным, отключила телефон, забралась в постель...

Шум праздника (хлопки салюта, пьяно-радостные крики и прочее) порой долетали до неё даже сквозь сон, путая сновидения, мысли, образы, но... Проспав почти двенадцать часов, проснулась Юля свежей, отдохнувшей и очень голодной.

Наскоро приготовив завтрак, девушка поела, оделась и, повинувшись внезапному порыву, вышла на улицу. Морозно-пустынное январское утро было настолько похоже на ожившую сказку, что от прежнего Юлиного скептицизма не осталось и следа. Абсолютная тишина и покой, такие забытые, такие непривычные для всякого, кто живёт в большом городе; лёгкий хруст свежего, почти нетронутого снега; чуть колючий ветер; ватно-серое удивительно лёгкое небо... И такая же необъяснимая лёгкость, ясность где-то в самой глубине – там, где, видимо, обитает душа. Словно за несколько часов минувшей ночи вдруг растаял, по волшебству исчез тяжкий, долго давивший сердце груз.

Юля шла очень медленно, осознавая каждый шаг, и с каждым этим шагом, всё острее чувствовала, что она не одна – вот прямо здесь, рядом с ней медленно шагает живое, не надуманное предчувствие перемен...

Год спустя они снова сидели в сестринской и всё так же пили тот же фирменный Риткин кофе.

– Ну и что? – снова, как и в прошлом году, уточнила Ритка. – Какие в этом году планы?

– Никаких, – спокойно ответила Юля.

– Серьёзно? Ну ты даёшь! Опять, что ли, затеяла что-то? Ещё разок жизнь перевернуть, а?

Юля невольно рассмеялась, расслышав в голосе подруги возмущение.

– Да ты не поняла, Рит! Я просто не планировала ничего, потому что Костя сюрприз какой-то затеял, и молчит! А поворотов мне больше не надо, спасибо! Одного вполне достаточно, – глядя на тонкое обручальное кольцо у себя на пальце, подытожила девушка. – По крайней мере, пока! Всё, пошли работать, а то влетит по первое число!

– Так завтра и есть первое, чего бояться-то?!

– Иди!

Вот так, смеясь и подначивая друг друга, девушки «покинули оазис спокойствия», нырнув в «пучину рабочего процесса».

Больница, город, да как будто и весь мир всё так же гудел шумом предновогодней лихорадки. И всё вокруг, ставшее абсолютно иным для одного человека, в целом осталось неизменно-прежним во всей своей суматошно-нелепой прелести.

ВЕСТНИК

Сны всегда были разными, но в то же время похожими друг на друга, словно родные братья: её малыш, её сыночек снова и снова приходил попрощаться...

– Да не сходи ты с ума, Оля! – тяжело вздыхала младшая сестра, а заодно подруга и поверенная всех её тайн. – Ну как, скажи ты мне, как может «приходить прощаться» тот, кого даже в зачатках никогда не было! Или ты...?

– Нет, – Ольга устало качнула головой, потёрла налитые болью виски, – не было его никогда. Если бы был, то бегал бы уже. Или ползал хотя бы. Ты знаешь, я бы не смогла никогда...

– Тогда как же, Оль? Ну, как такое возможно?

– Не знаю я, Сашка. Не знаю...

Она и впрямь не знала, но малыш приходил. Снова и снова, почти каждую ночь. Приходил то совсем маленьким, едва научившимся говорить, то уже школьником, почти подростком; то по-летнему свободный, то до по-зимнему закутанный... Но всегда, всегда одинаково потерянный и печальный.

– Ты меня совсем не любишь, – тихо говорил он, с укором и обидой глядя ей в глаза, – совсем не хочешь... Почему, мама?

– Нет! Нет, что ты... – Ольга пыталась найти слова, объяснить, рассказать, но...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.